

М.ВЕЛЛЕР

НЕ БОЙСЯ ЗАВТРА

Книги Михаила Веллера

Михаил Веллер

Не бойся завтра

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Веллер М. И.

Не бойся завтра / М. И. Веллер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Книги Михаила Веллера)

ISBN 978-5-17-117493-4

Эта книга – об искусстве отличать правду от лжи, ум от глупости, а обещания счастливого будущего – от суровой реальности, грядущей все ближе. Частично включает в себя избранные места из вызвавшей шок «Веритофобии».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-117493-4

© Веллер М. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Ум дурака	6
Народ и толпа	9
О нас, любимых	11
Вчера и сегодня	13
Часть первая	14
Лозунг детства	14
Опергруппа	16
Кубанские казаки	18
Рычаги	20
Партизаны и женщины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Веллер

Не бойся завтра

© М. Веллер, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Ум дурака

Русский парадокс: все всё понимают – при этом никто не понимает ничего. Знают, что впереди нечто ужасное – и верят, что умчит и вынесет русская птица-тройка: Авось, Небось и Как-Нибудь!

С годами перестаешь огорчаться людской глупости, но все-таки осадок недоумения остается: ну как же можно не понимать, не воспринимать, не видеть элементарных вещей? Если эти вещи тебе показаны, обозначены, подчеркнуты – и их нельзя же не увидеть, не обратить внимания вообще?

Что есть первейший признак глупости? Чем дурак отличается от умного? Если дурак тоже хоть что-то знает, владеет какой-то информацией?

Что есть ум – на нашем уровне рассуждения в данном случае? Ум есть операционная система, которая располагает объемом информации – и способна анализировать эту информацию, сортировать, отбирать нужные факты из множества разных – и складывать в комбинации, из которых ясно: что происходит? как, почему, зачем? и как мне действовать?

То есть:

Знать много. Держать во внимании все. Отбирать принципиально важное и нужное. И складывать это принципиально важное в цельную осмысленную картину. Каковая обусловлена причинно-следственными связями всего объема информации.

Пример:

Надо построить дом. А для этого:

Выбрать подходящее место. Чтоб вода недалеко. И питание доступно. И район не слишком дождливый и ветреный. И место поровнее, а не кособор.

И чтоб почва держала, прочный грунт под фундаментом. И кирпичи хорошо обожженные, и удобного размера – не огромные или малюсенькие. И высота потолков – не низко не высоко, и стены ровные по отвесу, и крыша со скатами и водонепроницаемая, и окна светлые. И чтоб денег на все хватило!

Архитектор-строитель – очень умный в своем деле человек. Он много знает и все учитывает при строительстве дома.

А дурак? А дурак построит дом в десяти километрах от ближайшей воды, не позаботившись о водоснабжении, и поставит его на глине, которая поплывет в осенние дожди, и спроектирует каждому по две комнаты, не посчитав предварительно деньги на стройку, и все его предприятие рухнет на ранней или поздней стадии непродуманной стройки. А ведь проект был – картинка загляденье! Только слишком много обстоятельств из виду упущено.

Вот большинство людских суждений о жизни и высоких материях – это такие прожекты на глянцевого бумажке, где с виду все классно, а на деле – иллюзии очковтирателя, не смыслящего в архитектуре, но желающего пожить удобно.

Дурак подобен архитектору, рассуждающему о доме, но вечно забывающему либо про грунт и окна, либо про смету и канализацию, либо про лестницу на второй этаж и ручки дверей. Дурак убежден, что понимает насчет красивого и удобного дома не меньше архитектора – не умея сделать рабочие чертежи или посчитать смету. Он что, домов не видел, или не жил в них?..

Так вот: представим себя на высоком балконе, а внизу перед нами живет своей сложной жизнью суетливый город. Автомобили с водителями и пассажирами, улицы и тротуары, дома и магазины, птички в небе, собачки на газонах, заводы по окраинам, а вдали луга и поля. Все видно.

А теперь представьте себе все то же самое, только в крошечной тьме. Единственный источник света – фонарик у вас в руке. Узкий луч этого фонарика, как маленький прожектор, выхватывает вдали то часть улицы с проезжающим автобусом, то кусок стены дома с десятком

окон, то дерево на газоне. Ведешь лучом – другое появляется в круге света, а прежнее исчезает во тьме.

Таково различие между мыслительным аппаратом умного и дурака. Умный держит во внимании – сознательно и подсознательно – весь объем информации, который может иметь отношение к решению данного вопроса. Он видит весь город с балкона – и ясно, что эти люди идут в проходную на работу, а эти в ресторан, а эти тренируются на стадионе, а этот трамвай возит их из спального района в центр и обратно.

Дурак видит только узкий кружок пейзажа, очень ограниченное поле информации. Увидит трамвай – перестанет видеть стадион. Увидит ресторан – не увидит склад заводской продукции. Таким образом, дураку непостижимо: там все работают без отдыха – или отдыхают без работы – или только станки из-за забора вывозят?

Поэтому Министерство Общественного Кругозора дает дураку упрощенную карту местности (всех деталей ведь не изобразишь): здесь рабочие производят станки и получают деньги, здесь отдыхающие тратят их в ресторанах, здесь спортсмены бегают на стадионе. Дурак смотрит в свой передвижной луч: точно, так и есть! Что в кабаке пьют спортсмены-бандиты, а работа везут в больницу – этого на его карте не отмечено. Не. Спортсмены, работяги, автобусы – нам видно либо одно, либо другое.

Шахматист держит в воображении огромное множество комбинаций, выбираю лучшую. Дурак видит шестьдесят четыре клетки и соображает на один ход одной фигуры. Тут все ясно.

Физик или математик имеет операционной базой огромный объем информации, из единичных ее элементов стараясь выстроить единственное решение проблемы. Дурак к этой интеллектуальной деятельности не способен. Он, может, умеет кредиты воровать. Но в точной теоретической деятельности он дурак. Он поле информации держать в голове не может.

...И вот, наконец, мы подошли к тому типу дурака, с которым регулярно сталкивается каждый. Особенно в наше время социальных сетей, форумов и комментариев. К дураку, который судит о материях, где каждый имеет мнение: политика, мораль, этнология, литература, кино, живопись, а также экономика. Особенность дурака, берущегося судить о любом практически явлении, в том, что одновременно он в состоянии принимать во внимание только один тезис; один посыл, один факт, одну сторону предмета из многих. Рассуждение дурака подобно прямой линии – кратчайшему расстоянию между двумя точками. «Чтобы корова меньше ела и давала больше молока – ее надо меньше кормить и больше доить». Вот – буквально – ход рассуждений дурака.

Я постоянно сталкиваюсь с тем, что если в книге – рассказе, статье, эссе – предмет дан с нескольких сторон, тема рассмотрена в нескольких аспектах – почти все читательские претензии, если они есть, сводятся к тому, что читатель принимает во внимание только один аспект из всех, только одну сторону вопроса из многих – и абсолютизирует ее, начисто отбрасывая все прочие. Более того: при абсолютизации одного аспекта – для такого читателя просто не существует ничего из написанного рядом, если оно в чем-то не совпадает с этим аспектом, который для него является главным. Не в том даже дело, что главным – но единым, цельным, нераздельным, безапелляционным.

(Простейший пример – Гитлер. Всемирный злодей, виновный в страшнейшей из войн, в неслыханных преступлениях против человечества, в гибели десятков миллионов людей! Да удавить его младенцем в колыбели было бы святым делом! (Хотя сегодняшняя политкорректность дико возмутится таким предположением – давить нельзя, надо перевоспитать или заключить в евротюрьму.) Но! На этом основании массовый обыватель вообще отказывает ему в каких-либо положительных чертах. Хотя. Он был храбр, он был патриот, блестящий оратор, харизматичный лидер и хороший организатор.)

...Так вот. Сегодня истина единичного факта столкнулась с истиной общего процесса. Например. Каждый свободен реализовываться как хочет (в идеале, в мире европейских цен-

ностей). Но при этом народ исчезает и культура рушится. Плевать! Право личности важнее. А если завтра этих личностей вообще не станет? Прекратите портить мне настроение!..

Короче: олигарх богатеет – страна беднеет. Благими намерениями вымощена дорога уже до ворот ада.

Народ и толпа

Народ превращается в толпу, когда массово перестает соображать. И начинает придерживаться внушения, единого несамостоятельного мнения – в спорах по идеологическим и культурным вопросам отрицая мысль, аргументы и истину.

Так забывают милосердие, уничтожая семьи религиозных или классовых врагов. Так не желают знать факты, провозглашая единую патриотическую историю. Так превозносят свой народ над прочими. Так утверждает бесспорную правоту своих и вину чужих.

Толпа отличается от народа экзальтированной гордостью в своей точке зрения и истеричным неприятием любого инакомыслия.

Толпа – это безоговорочное превосходство общего утверждения над любым размышлением, которое грозит сомнением в основах.

Для толпы нет вкусов, оценок и мнений в культуре, искусстве, истории – есть только набор опознавательных знаков «свой – чужой». Чужой – враг, то есть он неизбежно ошибается в истине, то есть в ценностях жизни.

Толпа – это диктат социального инстинкта единства (а внутри того – единомыслия) над индивидуальным инстинктом взаимосвязи со средой, прежде всего (внутри него) над инстинктом анализа информации.

Механизм такой:

Индивидуум ощущает процессы во внешней среде и наводимые ими реакции в своем организме. Его центральная нервная система анализирует эту информацию: фильтруя значимую от незначимой, определяя полезную и вредную, полагая и ощущая благие или вредные последствия. И вырабатывает реакцию на информацию: адаптация, блокирование, бегство, нейтрализация, встраивание в цикл и полезное использование.

На уровне биологии этот процесс бессознателен, инстинктивен.

На социальном, то есть культурном уровне, дело обстоит сложнее. Ибо – мышление процесс личностный, индивидуальный, происходящий в конкретном мозгу. И когда мозг выдает оптимальный вариант реакции на внешнюю информацию – этот результат должен пройти через социальное восприятие. Быть услышан, понят, принят. Быть легитимизирован социумом.

Консервативное и новаторское начала в социуме суть единство борющихся противоположностей. Новый аналитический вывод сильно умного индивида подвергается социальной проверке на прочность.

И вот тогда. Если это блестящий выход из трудной политической, или экономической, или научной кризисной ситуации – новое утверждается с блеском. Если это не актуально – могут обратить внимание через сто или пятьсот лет. А если претендует на актуальность, но выглядит неожиданным и непривычным – отрицается напрочь.

Что новое утверждает себя в борьбе со старым, а мышление большинства всегда инертно – это общее место, банальность. Но если вспомнить, что Наполеон послал Фултона с его проектом парохода, а Министерство обороны США отмахнулось от аэроплана Райтов как от бесполезного аттракциона – то механизм и масштаб инертности человеческой, каковая есть элементарная глупость по отношению к чему-то непривычному – вот масштаб непробиваемой глухоты по отношению к непривычному становится понятнее.

Но. Великие изобретатели, мыслители, художники, политики – все-таки находятся в первых рядах народа, воспринимающих нечто новое и непривычное.

Здесь еще очень важен возраст. Важна молодость! Молодость несет с собой инстинкт нового, инстинкт переустройств: она быстрее овладевает новой информацией, ее взгляды еще не закоснели. Консерватизм – удел стариков.

Так вот, толпа – это один из аспектов существования народа. Одна из сущностей народа. Одна из форм его бытования. Штурм крепости, митинг, защита родного города – происходит в едином порыве людей, и хотя впереди герои, но трусы и ловкачи как-то растворяются среди общей массы, делающей общее дело.

Толпа – одна мысль, одно чувство, одно действие! – это не всегда плохо. Отнюдь. Просто слово стилистически негативно окрашено. А вообще толпа – это одна из необходимых форм народного действия! Без единства нет ни народа, ни страны, ни культуры, ни самого человечества.

Но. Когда отличный строевой фельдфебель. Рассуждает о философии Фомы Аквинского. То совсем не о том мечтали и Фома, и фельдфебель.

Когда методом всенародного голосования хотят решить вопросы о наличии генетики и кибернетики – сами понимаете... Когда весь наш завод в едином порыве осуждает Пастернака и израильскую военщину – хана заводу и Пастернаку, только подлая военщина как-то выкручивается.

Вообще чем неожиданнее, неортодоксальнее точка зрения – тем меньше людей готовы к ее восприятию. Набор точек зрения «простого человека» универсален и прост. Десять Заповедей (в идеале), основные законы государства, мнения авторитетов по главным вопросам и традиционные семейные ценности плюс гендерные удовольствия. К сколько-то самостоятельному мышлению «человек социальный», «человек массовый» не способен в принципе. Он – конформист. Он – верующий в набор догм. Он – песчинка социума, обеспечивающая бетонную монолитность и несокрушимость этого социума.

Самостоятельное мышление – удел единиц.

Самостоятельно мыслящая личность – это социальный мутант.

Отщепенец. Урод. Особенный ребенок. Гипертрофированная способность к анализу информации и созданию сложных информационных моделей.

Разведчик будущего во Всемиром Информационном Пространстве. Большинство разведчиков, естественно, забредают не туда и остаются в неизведанных дебрях боковых путей...

И вот как только народ объединяется в осуждении и неприятии инакомыслия и новой точки зрения – он являет ту свою ипостась, где он толпа. Тупая, непримиримая, нерассуждающая.

Это не важно, каково образование разных членов толпы. Каковы их намерения – они всегда благие. Их объединяет одно: их убеждение проходит поверх непривычных мыслей и аргументов, как танк по мебельному гарнитуру.

...Я хотел сказать, что мои основные установки до скуки просты и традиционны. Те же Заповеди и те же ценности: труд, честность, справедливость, воздаяние по заслугам, милосердие. За тысячи лет все давно сказано.

Но толпа, осуждающая и превозносящая то, что ей внушено, осточертела.

О нас, любимых

Любите ли вы Брамса? А родину? Да, денег мало.

Процветание народа, устройство общежития и государства народа, справедливая и счастливая жизнь народа – в огромной мере зависит от степени внутриэтнической эмпатии. Или внутринациональной эмпатии. Или – проще говоря – насколько хорошо, справедливо и сочувственно люди данного народа относятся друг к другу.

Доброта и справедливость по отношению к своим, забота и сочувствие к своим, взаимопомощь и осознание своего единства – важнейшие качества, принципиально определяющие, насколько хорошо этот народ будет жить. А хорошо – это не только изобильно: хорошо – это еще в сознании справедливости, в атмосфере честности и заботы со стороны окружающих, в духе взаимной близости, не скажем уж взаимной любви, с окружающими.

И вот тут с русским народом не все слава богу.

И проблема власти, проблема политического режима – здесь вторична. Ибо именно перечисленные нами качества и определяют форму власти и специфику режима.

То есть.

Вещь, которая не давала мне покоя десятилетиями – пока я не перестал ездить ночными поездами и не перешел на самолеты. Почему – в любом поезде, в вагоне любого класса – ночью жарко и душно? Проводница нажаривает отопление с вечера, затем отключает его и вентиляцию тоже отключает – что безопасно, но подольше тепло. И спит до утра. Пассажиры могут париться. Отговорки всегда одни: «Я уже отключила. / Я уже включила вентиляцию, сейчас заработает. / В этом вагоне вентиляция не работает, что я могу сделать. / В крайнем (или центральном) купе женщина с ребенком, там ей холодно, она просила потеплее». Ей плевать, что вам жарко. Ей надо поспать. Зарплата маленькая, график трудный, проводников не хватает, необходимо поспать. Если проводников хватает и зарплата не очень маленькая – все равно спит.

Ей плевать на своих людей. Сograждан, соплеменников. Жизнь вообще трудная и несправедливая. Ни хрена, потерпят. Бригадир ее всегда поддержит. Вся администрация пассажирских маршрутов в курсе.

Будучи в должности, обладая определенной властью над жизнью и бытом пассажиров – она делает так, как удобнее ей. А они потерпят. Она не со зла. Просто жизнь так устроена. Она вообще хорошая нормальная баба. Но все-таки сначала для себя. Насколько для себя? Насколько можно, чтоб не нарваться на реальные неприятности – но и до смерти никого не уморить, конечно, она ж не злодей какой. Просто все в жизни устраиваются как могут.

В поликлинике ее обхамит регистраторша и запишет на прием через месяц, торопливый врач поставит неверный диагноз, в аптеке продадут поддельное лекарство, а в магазине купишь чего есть по деньгам – все из фуражного зерна, пальмового масла и тухлого ливера с марганцовкой и краской для внешнего вида. Тем временем ДЕЗ повысил квартплату, а в школе поборы на праздники, обеды и ремонты.

Всем глубоко плевать на всех – особенно тех, с кем не сталкиваешься лично. Жулики из фармацевтической мафии травят людей фальсификатами вместо лекарств. Тут уж жуликам из алкогольных мафий сам бог велел поставлять «виски» и «коньяк» из подпольного осетинского спирта, размешанного в ванне палкой с водой, краской, сахаром и фруктовой эссенцией. Владельцы компаний ЖКХ строят себе особняки в Ницце. Главврач получает половину зарплаты больницы – вторая половина делится на всех врачей, медсестер, санитарок и шоферов.

И каждый охранник, регистратор и клерк посильно использует твою от него зависимость. Не нахамить и не пустить – так хоть навязать ненужную услугу, наврав, что это необходимо.

Не то, чтобы «кто кого может – тот того и гложет». И однако... Не без того.

Власть с абсолютным бездушием обрекла на мучительное и безнадежное угасание тысячи детей-сирот-инвалидов на родине – чтоб досадить американцам, которые мечтали их усыновить и поставить на ноги. Про царя Ирода ничего не слышали? А Собянин мостит всю Москву плиткой – что любому понятно как распилил бюджета, то есть легальное воровство народных денег в чьи надо карманы. Причем! Избранные либерал-интеллигенты поют ему славу про европеизированную красавицу-Москву – в нищей стране, где половина работяг не может свести концы с концами.

Воровство и подлость всегда рядом.

Но! Власть и режим с его угнетением народа – это только верхушка айсберга, хоть на ней и утвердился капитанский мостик. А все мощное тело, плывущее в воронку Мирового Океана – это весь народ, сам народ и есть.

Где продавщицы опять обвешивают покупателей – как водилось всегда на Руси. Где застройщики экономят на материалах, и слышимость в доме насквозь. Где каждый год перекладывают асфальт. И массово травят друг друга поддельными продуктами и алкоголем, лекарствами и невесть чем.

Причем. Если к тебе хорошо отнесутся – сделают все настолько хорошо, как смогут, и абсолютно честно. Но если ты чужой, из общей толпы, безразличная человеческая единица – ну, горе тебе.хлопот не оберешься и правды не добьешься.

Да вы посмотрите на дедовщину в российской армии! На отношение командиров к подчиненным! На измывательства и поборы! На бессмысленную жестокость! Это – духовный народ?! Да здесь год службы за пять засчитывать надо, здесь выполнение задачи и приемлемый уровень боевой подготовки – это же героизм, заслуживающий высоких наград!

Ветераны могут вспомнить организацию снабжения и быта в Афгане и Чечне, квалификацию командования и воинское единство. Потом, кстати, могут подумать, если охота: могли ли боевые потери наши и вермахта в Отечественную войну быть почти равными, 1,3:1, как нас уверяют патриоты?

Кстати: у немцев школьный класс – это был фронтовой взвод: все знакомы, дружат, понимают друг друга, спаяны. У нас – всегда всех разбрасывали по разным фронтам, родам войск и частям: а чтоб не сговорились, чтоб не было внутренних отношений, помимо командира и замполита. А то вдруг сговорятся и уползут к немцам, или всю часть подговорят сдать, или пристрелят кого из особистов тишком. В 41-м-то и в 42-м иногда полковыми колоннами сдавались...

Власть у нас завсегда доверяла народу, а и сам народ – друг другу. То есть именно другу может доверить все, и жизнь, и семью – а вот чужому, вообще человеку, статистическому – ни хрена не доверит. Лучше словчить себе для удобства. А он там где-то, неведомый, поди еще больше жульничает, откуда я знаю, люди – они такие...

Вообще мы детей любим – но брошенных детей у нас больше всех. Это кстати о любви к ближнему. И вообще к своему народу, даже к самым родным.

...Когда-то у бабки моей с дедом в Ленинграде была домработница. Приехала из деревни в Петроград после революции, в НЭП, там жизнь и прожила. И блокаду всю пережила. Выжила потому, что была телефонисткой на коммутаторе, получала рабочую карточку и сидела в сравнительном тепле, все-таки не морозе уличном. Как-то энергия сберегалась. И вот она мне, студенту, говорила с тяжелой памятью: «Не знаешь ты, что такое люди. Люди очень недобрые...»

Вопрос: у кого завтрашний день лучше – у добрых или недобрых? Из сильного выйдет сладкое, из едящего – едмое. То был лев. А что выйдет из пчел жужжащих и псов скулящих, коней трудящих и зерен пропащих?..

Вчера и сегодня

Русский народ, предоставленный сам себе, быстро структурируется в социум из бандитского угнетающего большинства и зависимого бесправного угнетаемого меньшинства. При этом каждый страдает от произвола вышестоящих – но осуществляет прозвол над нижестоящими.

Русское большинство недостойно достоинств элитного русского меньшинства – мыслителей, работяг и свободолюбцев, отстаивающих справедливость.

Беда России – несочетаемость ума, силы и совести в одном и том же человеке. Умные и сильные подлы, совестливые глупы или слабы. Исключения? Есть! Их мало – потому и ломают.

Вы сейчас будете смеяться: будущее, пустота и похороны становятся синонимами. Эту академическую грамматику пишет власть, но чтение вслух уголовно наказуемо.

А я и поныне не знаю фамилию парня, который изобрел гранатомет.

Часть первая

*Наши мамы склонялись над нами,
Дождаясь, чтоб мы уснули,
И морочили нас колдунами.
Обманули!..*

Лозунг детства

Я помню эту мерзлую песчаную улицу. Была ранняя весна, март, наверное. Яркое солнце уже грело в морозном воздухе. Я шел из школы домой. Ветер нес песок, и глаза секло. Улица, центральная в райцентре, называлась Лазо-Борзинская. Мы жили на станции Борзя Читинской области, в Забайкалье.

На фасаде ДОСА – ДOME офицеров Советской Армии – алел плакат. Или транспарант, я понятия не имел. В степной, одноэтажной, деревянной и земляночной Борзе было два каменных двухэтажных здания – ДОСА и Штаб армии. 6-й Гвардейской танковой армии. А я учился в первом классе. И умел читать.

На красном полотнище белыми квадратными буквами было написано:

«Советская избирательная система – самая демократическая в мире».

Я понятия не имел, что такое избирательная система. Система – когда тебе пишут в дневник, что ты систематически опаздываешь на занятия. Что такое демократическая, я вообще ни сном ни духом.

Но я слышал, слышал, по радио прорывалось сквозь мальчишеские мысли и заботы: «Нерушимый блок коммунистов и беспартийных...», «избирательный участок...», «всенародное голосование...».

Что Советский Союз был лучшей, самой могучей и счастливой страной в мире, мы знали отлично. Ну и, очевидно, все советское было лучшее в мире.

Войну мы рисовали так: много красивых зеленых танков с красными звездами – и между ними горит один черный, кривой, со свастикой. А наверху – много голубых самолетов с красными звездами, и между ними – дымит один черный, кривой, со свастикой.

...Я не знал ничего, и знать не мог, об избирательных системах в других странах. Да и не задумывался – до крамольных университетских лет разочарования в советских лозунгах и идеалах. Но! Раньше, чем я получил представление о выборах и демократии – я твердо узнал, что советская избирательная система – самая демократическая в мире! Ты еще не знаешь, почему так, не знаешь, каковы другие системы, не знаешь их достоинств и недостатков, ты еще вообще ничего не знаешь! Но твердый стержень уже всажен, он вознесся и торчит несущей конструкцией в глубине твоего мировоззрения – вот так! Наша, не чья-то! Избирательная! Система, бя! Самая! Демократическая, на хрен! В мире, чтоб вы сдохли!

Мы росли и выросли, узнавали больше – а понимали столько же. От нас ничего не зависело, мы это знали – но как-то не понимали. Частности и конкретности перед нашими глазами могли не совпадать с картиной, нарисованной мировоззрением. То есть страна самая богатая, а люди могут быть нищими – и одно другому не противоречит!.. Детали могут противоречить общей картине – но бесспорность общей картине счастья, достатка и справедливости неколебима!

О-па! Убеждение первично – знание вторично! Идеология первична – реальность вторична!

(День Выборов – отмечен в календаре, всенародное торжество, единство и счастье. А живопись соцреализма: передовые рабочие в галстуках, старики-колхозники с промытыми бородами, трудовая интеллигенция в очках и шляпах, румяные девушки – да кудри, да гармошка, да нараспашку, на избирательные участки!

А сосед-алкоголик на кухне спозаранок, с важностью и грохотом: «Сейчас выпью маленькую, пойду проголосую!..» Уб-бил бы гада.

А девушка в дверях, слезно: «Ну пожалуйста, пока вы не проголосуете, меня там домой не отпустят, ну сходите, чего вам стоит...»

Но не будем забегать вперед.)

...Лет пятнадцать я прожил, взрослея, со знанием и убеждением, что советская избирательная система – самая демократическая в мире. Ничего не знал, ничего не понимал, ничего не пытался осмыслить – но мнение имел! И убежден был до самой глубины души.

На всю жизнь я запомнил этот первый осознанный, зафиксированный сознанием случай внушения идеологии. Вкладывания идеологемы в неокрепшие мозги. Мозги твердеют, засыхают, деревенеют и каменеют, теряют пластичность и делаются неспособны к восприятию чего-либо нового. А имплантированная установка живет внутри них и формирует вокруг себя картину понятий о мире.

Мозги большинства твердеют, не созрев. В массе люди нуждаются в готовых унифицированных установках. Это социальный инстинкт. Чтобы жить в ладу с окружающими и делать общее дело, вести общий образ жизни, верить в свою правоту.

Почему я возвращаюсь к этому невинному массовому лозунгу моего детства? Потому что это был первый явный случай несовпадения лозунга и жизни. Ибо избирательная система была – наглая ложь, стопроцентная фальсификация, отсутствие какого-либо выбора: стадо под конвоем исполняло лицемерный ритуал. Диктатура Партии коммунистов, а точнее – диктатура высшей партийной бюрократии, узкой группы внутри Политбюро ЦК КПСС. Крепостные крестьяне-колхозники, нищие работяги и интеллигенты, тонкий слой интеллигентской и рабочей аристократии – шахтеры, профессора, знаменитые и лояльные режиму писатели. Госплан на все – от выпуска презервативов до фасона рубашек на пятилетку. И ничего от тебя не зависит, ничего не можешь изменить, а за инициативу бьют. И опускаешь бюллетень с единственной фамилией, вставленной единой и диктаторствующей Партией.

Но ритуал превращен пропагандой в праздник, музыка, дефицитное пиво на избирательных участках, а ты – хозяин, а ты – веришь! Вопреки глазам, мозгам, знакомым и жизненному опыту.

Веришь вопреки уму и глазам. Это важно. Это – сила вбитой идеологии.

Опергруппа

А вот студент Ленинградского Университета в возрасте максимально высокого мнения о своем уме и образованности. Правда, в данном случае ум и образование излишни – едем в стройотряд, на Мангышлак, работать исключительно руками и жариться в пустыне.

Студенческий эшелон. Двадцать плацкартных вагонов по шестьдесят человек и один купейный – штабной, в середине. Кондиционеров еще нет, но окна открываются, вращение ручки поднимает верхнюю часть стекла в паз стенки, и ветра шумят по вагонам. Колеса стучат, мазут пахнет, степь несется назад – все как положено.

Мы – едем в купе штабного вагона. Хотя это наша первая стройка, и никаких должностей у нас нет. Мы – это два филолога и два историка, все после первого курса, девятнадцать лет. За стенкой – командир и комиссар эшелона, районный врач, областной мастер, все или старики (курс пятый), или освобожденные (профессиональные комсомольские работники).

Мы – опергруппа. На рукаве серой формяги типа африканского корпуса Роммеля – красные повязки. Собрали по принципу «кто под руку подвернулся и вид имел». В наши обязанности входит поддержание порядка в эшелоне и доведение приказов руководства до личного состава.

Раз в час мы смотрим на часы – «Пора!» – и, разбившись на две пары, обходим эшелон в нос и хвост. Тамбурные двери хлопают, переходные мостики гремят. Размяклый полуголый народ смотрит неприязненно и в спину иногда называют псами. Это звучит признанием, почти комплиментом.

Мы наблюдаем строго и ответственно.

Изредка видим след выпивки: бутылок нет, но прочий антураж налицо и глаза с красных рож блестят характерно. И наше карательное выражение дает им понять, что можем уличить и покарать. В стройотрядах сухой закон, за нарушение отчисляют, а это может повлечь за собой (пугали нас) и академические неприятности.

И вот мы возвращаемся в свой штабной и закуриваем в коридоре у окна. Проходит командир эшелона – лет тридцати, небольшой и жилистый блондин с манерами бывшего хулигана. Убедительный командир.

И этот убедительный командир спрашивает:

– А куда это, ребята, – спрашивает, – вы все время ходите?

Мы объясняем, что ходим следить за порядком в эшелоне.

А это как? Это – за чем следить?

За соблюдением сухого закона. Ну, чтоб драка не возникла. И чтоб не сидели на ступеньках в открытых дверях тамбуров – это запрещено.

Часто проходите?

Каждый час.

А это кто вам распоряжение дал – чтобы раз и в час?

Мы сами. Установили. Для распорядка.

Много нарушений выявили, пресекли?

Ну, пока не одного. Отвечаем ему с достоинством и ждем сдержанной похвалы за инициативу и примерное исполнение обязанностей.

А командир хмыкнул, хэкнул, подбородком дернул, –

– Сидите, – говорит, – на месте. Не дергайтесь.

Мы говорим: так а делать чего?

А чего делать вам скажут, когда нужно будет.

И пошел.

Мы, натурально, задумались. С одной стороны, мы хотели как лучше. С другой стороны, вроде неудобно ехать в комфортном купе при штабе на правах аристократии и ни хрена не делать: надо же как-то свою должность оправдать! С третьей стороны, груз с плеч свалился – нам это барражирование осточертело – можно отдыхать спокойно.

Да, кстати – на обратном пути мы, уже в общем вагоне с народом, внаглую таранили пузыри прямо из станционного буфета и пускали по кругу – и ничего! И отлично себя чувствовали! А если мимо шло начальство – убирали бутылку за спину и смотрели радостно, а начальство делало строгие глазки и ухмылялось. Ну, выпьет студент – так это ж закон природы.

...И вот прошло полвека, а я помню, как жестко указывал буховатому студиозусу, что имею право снять его с эшелона, а он виновато оправдывался, а я был суров в честном сознании своего долга и права. Вы понимаете? Я над ним не глумился – я был убежден в правильности и необходимости своих действий, иначе нельзя, а как же, есть порядок, правила, приказ, и я должен соблюдать и следить!

Я был – член опергруппы, и моя правда была – правда опергруппы. А другая правда была неправдой. И все тут.

...Но мало того – мало того! Через полгода разразилось факультетское собрание стройкома, голосовали вопрос: после первого курса на дальнюю стройку не направлять, а только на ближнюю. А на дальнюю – уже после первой стройки, заслужив право на героическую романтику. И мы – второкурсники с рельсой на лацканах за Студенческую транспортную стройку на далеком Мангышлаке – дружно поддерживали! Да! Не фиг сразу на дальнюю! Ишь захотели. Пусть сначала в Ленобласти болота поосушают. А уж потом – можно туда, где мы.

То есть: когда сами мы первокурсниками записывались на Мангышлак – слухи об обязательности первой ближней стройки вызывали у нас ярость! Но мы проскочили. И теперь – сами убежденно загоняли первокурсников в пригородные болота.

Да – закон трамвая, своя рубашка ближе к телу, сытый голодного не разумеет – но тут все чуть сложнее!.. Мы не были карьеристы, мы не были эгоисты и сволочи, ну, жизнь показала. Наше убеждение, что надо потерпеть ближнюю стройку – чтоб получить право на дальнюю – было абсолютно искренним! И парадоксальным образом даже не собиралось сочетаться с нашим же мнением о нашей ситуации полгода назад. Мысль о **несправедливости** нашего решения искренне не приходила нам в голову, вот в чем фокус!

...Через сорок лет я приду к выводу о корпоративности искреннего мировоззрения. Но мы опять забегаем.

Кубанские казаки

Это ж был фильм! Мы его берем как ярчайший пример раздваивания реальности.

Председатель колхоза – красавец. Председатель соседнего колхоза – красавица. Они ездят на красивых, резвых, упитанных лошадях. Хорошо одетые колхозники живут в нарядных домах. На ярмарку едут в шелковых сорочках. Ярмарка ломится от изобилия продовольственных и промышленных товаров. Для сельского клуба председатель покупает рояль. Любовь двух председателей украшает колхозную жизнь. Грусть светла, а радость брызжет. На фоне золотых нив и зеленых садов. Эх, хорошо в стране советской жить!.. (была такая песня)

Тут нет ни одного пьяного, ни одного нищего, ни одного инвалида, и ни одного голодного тоже нет. Никто не ругается, особенно матом.

Рукоприкладство отсутствует. Никого ни за что не сажают – а не за что и некому.

Фантаст Ефремов Иван Антонович с его коммунистическими утопиями – скудоумный графоман против социалистического реализма народного режиссера Ивана Пырьева (ни дна ему ни покрывки). Тьфу на вашу «Туманность Андромеды» против фантастического советского счастья.

Фильма сия создавалась великим народным гением в 1948 году. Это – что? Это – когда? Это после великого послевоенного голода 1946–47 годов. Это когда массовая дистрофия крестьян, когда полтора миллиона умерших от голода, случаи каннибализма и безнадежных бунтов против властей.

Но задача искусства – показать действительность с нужной, партийной точки зрения. «Лакировка действительности», «конфликт между хорошим и отличным» – это все формулировки некогда знаменитые, расхожие. Нас интересует другое – примечательное, характерное, удивительное:

Социальная шизофрения удивляет нас. Вернее даже социопсихологическая. То есть: человек одновременно наблюдает два разных изображения одной и той же реальности – и обоим верит! И они никак не конфликтуют в его мозгу, не вытесняют друг друга. Нет психологической сшибки, нет когнитивного диссонанса.

Упрощая: на клетке со слоном написано буйвол – и зритель этого зоопарка верит и тому, и другому. Несовпадение надписи содержанию его ничуть не смущает. О как! Он отлично существует в этой двоящейся действительности.

...Итак, советский человек образца 1949 года видел кругом одну реальность, а в кино – другую реальность, и совмещал их простейшим способом. То, что он видит лично вокруг себя – это частность, а в кино – общая типичная картина жизни. Частность может быть противна, неправильна и нежелательна – но она отнюдь не опровергает общей картины жизни. Сосед пьяница и дебошир – но вообще люди хорошие. На работе бардак – но в киножурнале «Новости дня» показывают многие предприятия – и везде порядок, чистота и производительность труда. Черт возьми, у человека может быть понос с метиоризмом, но вообще он звучит ведь гордо, ведь царь природы, плюс ум и благородство.

Между частным, плохим, очевидным – и хорошим, общим, транслируемым – человек выбирает второе.

Во-первых, кино подкреплено авторитетом умных, образованных, ответственных людей. У них ордена, их показывают в Кремле, о них пишут газеты. Их фильмы показывают по всей стране. Уж наверно они лучше знают, что к чему в жизни.

Во-вторых, это очень хорошо – то, что в кино происходит. И люди красивые, и жизнь хорошая, и страданий нет, нет бедности и болезней. Такая жизнь конечно нравится. Такой жизнью пожить никто бы не отказался. И, тем более, все они работают, трудятся, благососто-

яние их заслуженное, честное, и ничего ведь там невозможного нет – так ведь все и должно быть, так нам и на политинформации говорят, и начальство, и лекторы.

Желание хорошей жизни. Рождающее веру в возможность хорошей жизни. Да когда тебе показывают эту хорошую жизнь таких же людей, как ты. И твоя вера подкрепляется авторитетами. И бесконечные газеты твердят: так и есть!

Это создает эффект наведенного мировосприятия.

Ты воспринимаешь как главное не свой мир, что сам видишь и касаешься, небольшую сферу, в которой реально живешь – а мир общий, огромный, почти весь далекий и невидимый тебе, потому что такой огромный. Этот огромный мир показывают тебе умные люди, которым все верят и которые многого добились в жизни.

...И свою многотрудную жизнь советский человек воспринимал как частность, кучку отдельных недостатков, нормальные и не смертельные жизненные препятствия. А вот устройство всей страны, жизнь всего народа – это была зона справедливости, устроенности, совести и ума. Работящести и зажиточности.

И человек клял начальство и безруких работяг, качество товаров и план по валу – но за нашу советскую родину, самую справедливую и гуманную, честную и добрую – готов был грызть глотку и проливать кровь.

Человек совершенно искренне видит одно – а понимает другое. Сталкивается с одним – а верит в другое.

Иллюзия сплошь и рядом важнее очевидности. В своих суждениях и оценках человек чаще руководствуется наведенной иллюзией, нежели очевидной картиной.

...Так что жили в бедности и голоде – но знали, что это только здесь, ну еще в нескольких местах, но вообще, в главном – та счастливая жизнь «Кубанских казаков» важнее, повсеместнее, правильнее – и по большому счету реальнее наших частных страданий.

Рычаги

Простенький рассказ среднего советского прозаика Александра Яшина прославился. Дело в начале хрущевских времен было, эпоха XX Съезда КПСС – разоблачим кровавого Сталина и продолжим строить социализм с человеческим лицом.

Сидят в избе-развалюхе четыре мужика. Председатель, стало быть, колхоза этого, нищего, как все крестьянство страны, животновод, кладовщик и бригадир: местное правление. Надымили сигарками с самосадом и сетуют, что хозяйство организовано плохо, а начальство руководит сверху неумно.

А потом – р-раз: это они начинают партийное собрание! И нормальные адекватные мужики словно переключают внутренний регистр: несут официальную демагогию и всерьез предлагают всякую фигню, чтоб какие-то высосанные из пальца и из воздуха премии, штрафы, социалистические соревнования и прочая муть отразили линию районного руководства. Чтобы их партийные отчеты в райком соответствовали намеченным партией процессам в стране.

И у людей вдруг меняется словарь, выражения лиц, даже тембр и интонации голоса меняются. Хоп! – и люди повернулись другой стороной своей сущности.

Фиговатый рассказ очень силен именно резким сопоставлением двух социальных ролей одного и того же человека: вот он как крестьянин на своей (хоть и советской) земле, работник с человеческими заботами – и вот он как единица Коммунистической Партии, и претворяет в жизнь политику родной партии. Человек как личность – и как винтик бюрократической машины.

Вот такие «Рычаги» написал Яшин, а больше ведь о нем и вспомнить нечего.

Поразительно не то, что в человеке совмещаются две социальные роли – в человеке и больше совмещается. Отец, сын, муж, друг, работник, патриот, болельщик, охотник и бытовой пьяница – прекрасной души человек, знакомьтесь, это ваш новый сосед. И не то удивляет, что две социальные роли противоречат друг другу – страдающий от идиотизма власти крестьянин и верный исполнитель приказов этой власти. Человек – животное политическое, а значит подневольное. Как индивидуум хочет одного – а как член социума делает другое. Об этом социально-психологическом дуализме мы еще много говорить будем. Вот эсэсовец любит детей – а работает в концлагере. Вот любитель природы – валит лес: на жизнь зарабатывает.

Главное здесь – что как только человек воплощается в одну социальную роль – другая перестает для него существовать. Он не шизофреник, раздвоением личности страдать не способен. Или он заезженный донельзя Советской Властью крестьянин – или он проводник идей Советской Власти и ее функционер. По очереди! Но не одновременно, не в один и тот же миг.

И когда он крестьянин – он осуждает некомпетентного и черствого функционера-начальника, не вникающего в труд и нужды крестьян. Но когда он сам функционер – он абсолютно чужд смыслу и заботам реальной (его же собственной!!!) крестьянской жизни.

Из этого можно сделать вывод. Важнейший вывод! – и очень просто выглядящий:

Человек одновременно может придерживаться только одной системы взглядов, каковая система взглядов присуща его социальной роли на этот момент.

И интереснейшее следствие из этого вывода:

Человек способен абсолютно искренне менять свои взгляды в зависимости от смены своей социальной роли.

И тут вдруг у меня из-за плеча высовывается коллега – филолог-русист-фольклорист и кричит, тыча обличительным перстом:

– Сытый голодного не разумеет!

И мы должны с ним согласиться: да, народ это всегда знал, не углубляясь в теорию социальной психологии. На своей шкуре веками испытывает.

Вообще русский человек постоянно страдает от произвола чиновников. Об этом много писали, и Пушкин еще писал, а уж Салтыков-Щедрин как припечатывал. Но горе в другом даже, в другом секрет этого горя вечного! А в том, что как только страдающий русский садится в кресло чиновника – он волшебным образом преображается: жертва дракона превращается в дракона. Вчерашний страдалец начинает тиранить просителей, а они страдают, и ничего в принципе не меняется. И дело здесь не в короткой памяти и не сволочном характере, а в том, что в комедии жизни он сменил амплуа – и характер роли вместе с ним. А комедия в России отличается тем, что на власть управы нет – так чего не куражиться.

Или еще иначе можно сказать:

Бытие определяет сознание.

То есть: кто ты есть – так ты и думаешь. Сменится твое бытие – сменится и сознание, будь спок.

Правда бесправного просителя и правда все сильного чиновника – это две разные правды. И одна правда отторгает другую – мгновенно, в принципе, это как переход в другое измерение, в другую систему понятий и ценностей. Щелк – и переключилось.

Партизаны и женщины

Пардон за обман. Это не те партизаны, которые по лесам железные дороги подрывают и склады жгут. Эти «партизаны» – офицеры запаса, получившие когда-то звание после военной кафедры своего вполне гражданского вуза. Их раз в несколько лет норовили дернуть на двухмесячные офицерские сборы. Некоторым это нравилось: зарплата сохраняется, от семьи отдохнешь, игра в войну не всерьез, чего не развлечься.

Итак. Карелия. Лес, озеро, гарнизон. Небо, солнце: август. Курилка – бочка вкопана меж трех скамеек. Взвод курит: сорок рыл тридцатилетних ленинградцев. Лейтенанты, вашу мать. Только что автобус привез и выгрузил, только что в формягу переодели, х/б летнее офицерское полевое, и вот курим, анекдоты травим и гогочем подчеркнуто тупо. Вживаемся.

Забор, казарма, плац, дорожка – территория.

И – по этой дорожке идет женщина. Появилась из двери штаба, и мы видим ее сбоку и удаляющуюся со спины. Лет тридцати. Приятно полноватая при всех обводах. И на солнце сарафанчик ее слегка просвечивает – в рамках приличий.

И вдруг взвод, не сговариваясь, поворачивает головы и дружно тянет вслед: «У-у-у-у!..» Как голодные петеушники. Как зэки из тайги. Как голодные зимовщики с острова. Такой хамовато-комплиментарный вой, такая смесь глумления с неприличным намеком.

Слушайте! Еще обед не наступил – сегодня утром все встали с постели со своими законными, временными или случайными подругами. Женатые, приличные, трудящиеся, несудимые. Культурные все по самое не могу, инженеры и научные сотрудники. Сугубо штатские. Чего завывали вслед бабе, как придурки?.. Тридцатилетние папаши.

А – переключились. Сменили социальную роль. Вчерашние солдаты и курсанты. Снова в армии. Х/б, курилка, забор со звездами, отдавание чести: сплошь мужской коллектив. А что есть главнейшая ценность гарнизонного воина? Баба! Первая строчка приоритетной шкалы. Водка – уже вторая. Так как же не возбудиться, не приветствовать, не позиционировать себя эдаким половым разгильдяем.

И мы чувствовали себя так, что это даже не невинная шалость – а нормальная реакция, естественное приветствие, одобрили женщину, и что.

Мы выходим за забор – через пятьсот метров Выборг. Там на улице нам в голову не приходит улюлюкать вслед девушкам. Не говоря о Ленинграде. Дикари-то мы дикари, но в географии разбираемся.

Ну, смена социальной роли – смена точки зрения, смена поведенческого стереотипа, смена шкалы ценностей – это, в общем, понятно. Мы, взрослые мужчины, могли в столовой устроить бенц повару или дежурному по кухне, если нам недодали грошового черствого печенья, переварили макароны, неровно нарезали масло. Поводы для реакций были неразличимо мелки с точки зрения свободного человека – но солдаты и зэки нас поймут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.